

ЛЮБОВЬ НА АРБАТЕ

Источник: А. Соболев. Человек за бортом. Повести и рассказы. М.: "Книгописная палата", 2001. -- 320 с.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко, февраль 2008. <http://belousenko.com/>

Это второй рассказ о том, как живут и умирают на Арбате. Первый был о последнем путешествии последнего в роду баронов Фьюбель-Фьютценау, о его головокружительном путешествии с Нащокинского на Таганку страшнее поездки какого-нибудь безрассудного норвежца или датчанина на край Северного полюса: первая ледяная глыба Воздвиженка, следующая Моховая, белые медведи на Театральной и т. д.

А этот о любви на Арбате -- о Трече, Викторе Юрьевиче, и о девушке из театральной студии, где третий год готовят пьесу Бернарда Шоу, и в пьесе этой главную роль дали Вале Сизовой, а пока что у Вали Сизовой опухли пальцы от холода, и, говорят, скоро останется она без зубов: цынга подкрадывается. А у Треча ослепительно белые зубы. Он брит, корректен и всегда свеж, по виду самый что ни на есть джентльмен с коробки папирос высший сорт "А", даже когда за день во всех главках побывает, а сбоку, под верхним наружным кармашком, у него эмалевый красный флажок с пятиконечной посерединке.

Когда в первый раз остановил Валу на углу Афанасьевского, весь сверкал, и почудилось Вале, что паркетный он, только слишком густо-коричневый.

Впрочем, все коричневое: автомобиль его, перчатки, портфель, и на двери коричневый плакатик: "Уполномоченный Южпромсека т. В. Ю. Треч".

По холодному, по советскому году редко Треч снимает шляпу -- это уж от Москвы, а так: безукоризненная тужурка, великолепные навощенные краги, но шапка всегда бессменна на голове. И если б снял -- даже Вале Сизовой кинулась бы в глаза странность одна: волосы у Треча, как у женщины, низко начесаны на уши.

Но как знать Вале Сизовой, что таким ухищрением прячет Треч уши свои -- плоские, серые, волосатые.

Да еще кое о чем не знает Валя Сизова.

Не знает того, что курит Треч всегда одну и ту же сигару, и никогда она у него не гаснет, никогда не уменьшается (а пепел не увеличивается и не отпадает), и что, закулив ее при белых в Крыму, в Коктебеле, когда увез с собой в Константинополь светлейшую княжну Кошуру-Машалову, он продолжает курить при красных, и от этой сигары сотни спецов, даже немало коммунистов, закуливали свои "иры", "явы" и махорочные крутеныши в разных комиссариатах, секциях, подсекциях.

Но ведь Валя Сизова не курит -- это прежде всего, а потом, пусть даже торчит на голове Треча дамская шляпа с тонковолосым эспри или поповский гречушник, -- все равно, все мимо глаз пройдет дымком беглым, когда рука протягивает записку от Коли:

"Доверься подателю записки, до встречи, целую".

И мигом скачет Арбат, тротуар из-под ног уходит, корявый, выщербленный, кирпичик торчком перестает служить зацепкой, и не поддержки Треч -- упала бы Валя Сизова, почти так, как уже третий год учит постановщик Хабалов и научить не может.

Записку от Коли на Арбате прочесть -- после трех лет горести, мути Арбат снова полюбить (еще до сих пор в ушах пушки Александровского училища); на Арбате от Виктора Юрьевича Треча узнать, что жив Коля, -- к Виктору Юрьевичу немедленно душой прилепиться.

В крючковатых, извилистых, кривоколенных особнячковых арбатских переулках нелегко в дождь, слякоть плакатик "уполномоченного" разыскать, в сумерках чутьем прочесть, что прием от 4 до 6, и в ужасе подумать:

-- Оpozдала.

А в башмаках пруды патриаршие, а сердцу мочи нет к трем годам ожидания еще один день прибавить, но за одним чудом, по-видимому, всегда другое следует: еще не постучала робко занесенная рука, а уж сам Треч открывает -- двойной чудотворец: Колю оживил, к Коле приблизил.

Но краток Треч: за белопенными зубами слов мало -- не рот, а сейф опустошенный. Не рассказывает, как встретился с Колей, не хочет сказать, похудел ли Коля, по-прежнему ли курит много и по-старому ли, волнуясь, все спичечные коробки мелко-мелко крошит. Только говорит:

-- Сами увидите... В Крыму, в Гурзуфе.